

80-й Конгресс Международного PEN-клуба

Казахский PEN-клуб

Бахытжан Канапьянов

Иссык-Куль – небесное око Земли

АЛМАТЫ
«ЖИБЕК ЖОЛЫ»
2014

УДК 821.512.122.0
ББК 83.3 (5 Каз)
К 19

Канапьянов Б.М.

К 19 Иссык-Куль – небесное око Земли / Б.М. Канапьянов –
Алматы: ИД «Жибек жолы», 2014. – 40 с.

ISBN 978-601-294-215-6

В буклете даны творческие портреты классиков Центральной Азии Мухтара Ауэзова и Чингиза Айтматова. Эти две статьи поэта и писателя Бахытжана Канапьянова были опубликованы в апреле и июле 2014 года в «Литературной газете» (Москва).

Издание буклета приурочено к 80-му Конгрессу Международного PEN-клуба, который проходит с 29 сентября по 2 октября 2014 года в Бишкеке (Республика Кыргызстан).

Artistic pictures of Central Asia classics Mukhtar Auezov and Chingiz Aitmatov are presented in the booklet. These two articles of poet and writer Bakhytzhane Kanapyanov were published in 2014 April and July in a “Literature Newspaper” (Moscow).

The issue of a booklet is confined to an 80th International Congress for PEN-club that takes place in Bishkek (Kyrgyzstan) on September 29 to October 2, 2014.

УДК 821.512.122.0
ББК 83.3 (5 Каз)

ISBN 978-601-294-215-6

© Канапьянов Б.М., 2014
© ИД «Жибек жолы», 2014

КЛАССИКИ МИРОВОГО ПОРЯДКА

Мне видится особый смысл в великолепной задумке талантливой казахстанской поэтессы и писательницы Бахытжане Канатбаевой преподнести в дар гостям 80-го Международного конгресса ПЕН клуба в Бишкеке свои думы о двух великих писателях нашей земли – Чингизе Айтматове и Мухтаре Ауэзове. Их творчество неразрывно связано между собой, их голоса созвучны теме нашего сегодняшнего Форума – «Мой язык, моя судьба, моя страна». Еще при жизни Чингиз Торекулович называл Ауэзова своим учителем.

Оба писателя всю сознательную жизнь посвятили своему народу: его судьбе, его истории и языку. «Знать свой язык – богатство, сделать родным чужой язык – богатство вдвойне. Русский язык открыл мне огромную часть мира. Синтезируя два менталитета, две культуры, две народные судьбы, я и писал», – говорил Айтматов о роли русского языка.

Писатель, мыслитель, общественный деятель, гражданин Вселенной Чингиз Айтматов своими бессмертными творениями прославил на всю планету свою небольшую страну по имени К Ы Р Г Ы З С Т А Н! Бесспорно, что в самом факте проведения такого мирового литературного Форума на его родине есть большая заслуга Чингиза Торекуловича.

Один из крупных аналитиков и рецензентов произведений художественной литературы XX-го века Георгий Гачев в своей книге «Чингиз Айтматов в свете мировой культуры» писал: «О Чингизе Айтматове написано уже много, но, как правило, – в жанре рецензий и журнальных статей. Между тем творчество его достойно более пристального анализа; интересно рассмотреть его в контексте мировой культуры. Это возможно, во-первых, потому, что творчество Айтматова есть вклад Киргизии в культуру мира; а во-вторых, если проследить его на экране истории мировой культуры, в нем открываются те смыслы, которых не видно при воздействии на него вплотную, только из сегодняшнего времени... В написанных им повестях есть художественная бездонность и философская глубина, и дают они повод к размышлению как о современных, так и вечных проблемах человеческой жизни, культуры, сознания».

Я имел счастье встречаться с Чингизом Торекуловичем несколько раз, в основном, на литературных форумах. Но по-настоящему видел его лишь один раз в Бишкеке зимой 1996 года.

Встреча с ним, помимо человеческой стороны и личного события в моей жизни, была для меня и проверкой некоторых мыслей по поводу его произведений. Я не стану описывать содержание всего нашего разговора, а лишь кратко поведаю об его ответе на один мой вопрос.

Я спросил у мэтра о его взаимоотношениях с властью, как он понимает одну из кардинальных проблем всех времен – «художник и власть». Я тут не берусь воспроизводить его прямую речь. Но когда он заговорил, сама речь писателя, которую лучше назвать словоизлиянием, внезапно приобрела волнующий характер. Я словно задел больную мозоль своего собеседника. Чувствовалось, что эта тема была и остается для него вечно неразгаданной загадкой.

Во все времена, сказал тогда мэтр, человеческий дух стремится к свободе – она является некой путеводной звездой художника. Эта идея вечна, потому что недостижима в том виде, в каком нам хотелось бы ее видеть. Именно на этом пути к свободе неизбежно сталкиваются два начала – власть и художник. Власть пытается привлечь художника на свою сторону, использовать его талант в своих эгоистических, политических целях. А художник, наоборот, всегда противится такому положению вещей, что часто приводит к драме духа.

Что делать в этой ситуации художнику? Полной независимости он может достичь, лишь отказавшись от Дела всей жизни. Ведь он творит свое дело из того же «сора», из которого творит и власть. Потому писателю некуда уйти из этой реальности. Потому что независимость сама по себе абсурдна. Жаль, очень жаль, что порой нам приходится работать под нажимом политической силы!

Вот таков был ответ Чингиза Торекуловича!

Именно такие мысли приходят мне в голову, когда прикасаюсь и к творениям классика казахской литературы, большого друга Чингиза Торекуловича – Мухтара Омархановича Ауэзова. Наш классик очень ценил и любил Чингиза Торекуловича с первых дней знакомства, опекал его как младшего коллегу, помогал и поддерживал во всех творческих начинаниях. Также велика была его любовь к кыргызскому народу. Ведь все помнят, как Мухтар Ауэзов, ценой своей жизни, совершал героические поступки, чтоб защитить великий эпос кыргызского народа «Манас».

Мухтара Ауэзова я открыл для себя довольно рано. И повинна в этом моя мать по имени Орынжан. Она, не покладая рук, занимаясь домашними делами в долгие зимние вечера, просила меня почитать вслух ауэзовские рассказы. Помню, в тот вечер я зачитался его повестью «Серый Лютый». Читал я

долго при свете керосиновой лампы и в один миг не выдержал всей трагичности судьбы ауэзовского героя – мальчика по имени Курмаш; горячие слезы разом хлынули из глаз. Я тихо плакал. Слезы непослушно капали на страницы книги, а я все читал, стыдясь, что мать заметит мою слабость, но осипший голос мой предательски выдал это мое незавидное состояние. Да, было это давно, но стоит мне вновь взяться за бессмертные строки Мухтара Омархановича, и все повторяется вновь... Потом я познакомился и с другими бессмертными произведениями писателя.

Вот передо мной лежат книги Мухтара Ауэзова и Чингиза Айтматова... Думая о их творчестве и жизни, невольно прихожу к выводу: в судьбах двух писателей-мудрецов множество совпадений. Власть их иезуитски поучала, направляла, насилюя талант и творческую волю. Награждала, отесняя на путь компромисса, и во многом преуспела. Но не сломила их дух! Как тут не вспомнить признание самого Ауэзова-художника: «не из чего творить красоту, кроме как из недоброй тяжести самой жизни, не из чего создавать гармонию, кроме как из мучительной дисгармонии самой жизни...».

Слово этих двух наших писателей-мыслителей, как ориентир, дает нам высокие нравственные уроки, предостерегает от возможных ошибок в пути.

***Бигельды Габдуллин,**
президент Казахского PEN-клуба,
лауреат премии им. М.О. Ауэзова*

ГЕНИЙ С БЕРЕГОВ ИССЫК-КУЛЯ

ПЯТЬДЕСЯТ ТОМОВ МУХТАРА АУЭЗОВА

В настоящее время в Казахстане издается полное академическое собрание сочинений гения казахской словесности Мухтара Омархановича Ауэзова (1897–1961) в пятидесяти томах. Это уникальное двуязычное издание, оно выходит на казахском и русском языках.

В течение тридцати лет Ауэзов писал великий труд своей жизни — эпопею «Путь Абая» в четырех книгах.

О переводе этой эпопеи на русский язык, о творческой мастерской писателя — Иссык-Куле, о его многолетней дружбе с русскими собратьями по перу, о сотрудничестве с редакцией «Литературной газеты» — все это в предлагаемых заметках.

Нынче наступает своеобразный ренессанс нашего культурного наследия. Ренессанс научного, литературного и творческого наследия Чокана Валиханова, Мухтара Ауэзова, Чингиза Айтматова. Для каждого из них Иссык-Куль всегда олицетворял гармонию личности и окружающего ландшафта, то самое состояние души, без которого нет ни творчества, ни созидания, ни самой жизни.

Впервые об этом удивительном озере я узнал в далеком детстве из трудов Чокана Валиханова. Вначале разглядывая его путевые зарисовки, которые вошли в пятый том собрания сочинений, а затем, спустя годы, читая путевой дневник ученого и его запись фрагментов эпоса о Манасе Великодушном. Так зародилась в моей юной душе заочная любовь к этой высокогорной жемчужине, к озеру в оправе диких гор. А в студенческие годы я впервые воочию увидел эту живописную чашу — чашу Джемшида. Незабываемые мгновения, когда, пройдя второй перевал двухдневного пути из Алма-Аты, из-под ветвистой лапы тяньшаньской ели вдруг ближе и ближе спускаешься к нему, к этому озеру, которое на все последующие годы становится и твоей творческой мастерской под открытым и незабываемым небом. Поэтическое и многоязычное побережье Иссык-Куля, сырты и горные вершины пленяют и с каждым годом открывают новые и новые горизонты познания.

Три года назад я взял с собой рукопись нового перевода первого тома эпопеи Мухтара Ауэзова «Путь Абая», чтобы вычитать уже в целом отредактированную рукопись, а затем, перед сдачей в типографию, завершить контрольную читку в Алма-Ате, вместе с Муратом Ауэзовым, президентом Международного фонда Мухтара Ауэзова.

А ночью, глядя на огоньки противоположного берега, мысленно находил среди них и огонек дома-музея писателя, который расположен в Чолпон-Ате. И этот немеркнущий свет вел меня по страницам, заставляя сверять новый перевод с переводом эпохи соцреализма, который был произведен при его непосредственном участии и наблюдении, при его консультациях, доброжелательной оценке удачных переводных текстов и резком неприятии небрежности или вольности переводчика. Это все становится известно из **пятидесятитомного** полного собрания сочинений, первое из-

дание которого завершилось в издательском доме «Жибек жолы» — «Шелковый путь».

Каждый новый художественный перевод классики мирового порядка должен, на мой взгляд, переводчика и издателя, отвечать двум основным требованиям. Во-первых, чтобы перевод при художественном соответствии оригиналу был в своей основе качественно лучше предыдущих переводных вариантов, а во-вторых, чтобы сам переводчик, найдя «интонационный ключ» переводимого автора, обогащал произведение средствами своей творческой мастерской, как это удалось сделать известному русскому писателю Анатолию Киму. Он совершил «обыкновенное чудо» художественного перевода. В этом ему помогали авторы подстрочного перевода — Кайсар Жорабеков и Мухтархан Тнимов. О достоинствах нового перевода справедливо говорили многие знатоки творчества Мухтара Ауэзова, которые были знакомы с первым переводом, осуществленным А. Никольской, Л. Соболевым, Т. Нуртазиным, З. Кедриной, Н. Ановым. О недостатках, а они неизбежны при любом переводе, пусть даже наиболее удачном для настоящего времени, аргументированно писал «казахский немец» Герольд Карлович Бельгер, положительно оценив этот вдохновенный творческий труд писателя и переводчика А. Кима.

В издательском доме «Жибек жолы (Шелковый путь)» вышла не только эпопея «Путь Абая» в новом переводе в четырех томах. Вышла также глубокая книга Г. Бельгера — мэтра переводческой школы Казахстана, России и Германии — «Жизнь-эпопея», посвященная памяти Мухтара Ауэзова.

...А огонек с противоположного берега светил и светил, не угасая, соизмеряя свой свет со светом звезд, которые, как всегда, близки и почти доступны на берегу Иссык-Куля, среди горных, заснеженных вершин Тянь-Шаня. В том самом Доме-музее Ау-

эзова в Чолпон-Ате, в том самом доме, который когда-то был творческой дачей писателя, Мухтар Омарханович Ауэзов сердечно признался в своей любви к этому божественному озеру:

До чего же я люблю Иссык-Куль!
Как легко и свободно дышится рядом с ним!
Если бы можно было вновь родиться,
Я бы выбрал здешние места.

Только озеро Иссык-Куль и снежные вершины Тянь-Шаня могли породить великий миф о Манасе Великодушном, его сыне Семетее, внуке Сейтеке, жене Манаса Каныкей и матери Чий-ырды.

Вселенную Манаса впервые открыл и записал фрагменты для России и Европы Чокан Валиханов. Великий эпос, насчитывающий почти миллион поэтических строк, был сохранен в памяти народа. Еще в далекой молодости Мухтар Омарханович был пленен эпосом «Манас», и в начале 50-х прошлого столетия буквально защитил киргизский эпос, выступая в тогдашнем Фрунзе на научно-теоретической конференции, где решалась судьба киргизской «Илиады».

Согласно молве и воспоминаниям современников, в начале творческого пути Чингиза Айтматова Мухтар Ауэзов лично передал уже опубликованную повесть «Джамиля» Луи Арагону, с подачи которого она была переведена на французский язык и публиковалась в нескольких номерах газеты «Юманите».

«Мухтар Ауэзов для меня не некая академическая величина и не просто самый великий художник среди лично известных, а человек, проявлявший по отношению ко мне отеческую заботу, — писал в статье «Слово об Учителе» Чингиз Айтматов. — У меня есть две национальные святыни, с которыми я еду в другие

страны, с которыми я переступаю порог других народов. Это — «Манас» и Мухтар Ауэзов».

Многие тома полного собрания сочинений Мухтара Ауэзова по хронологии дополняют письма писателя А.М. Горькому, А. Фадееву, А. Суркову, К. Симонову, В. Кожевникову, С. Злобину, Л. Соболеву, Э. Кедриной, А. Пантиелеву, Л. Арагону. А в этих письмах и в ответах на них совместная боль и надежда, сопереживание за будущие судьбы литератур, образующих творческую взаимосвязь разных стран и народов. К примеру, в дни декады казахской литературы и искусства (1936) Мухтар Ауэзов пишет А.М. Горькому: *«Обращаясь в дни декадника казахского искусства с настоящим письмом к Вам, Алексей Максимович, мы, казахские писатели, выразили бы только одно пожелание о том, чтобы внимание, уделяемое Вами стране и ее культурному росту, — было бы дополнено вниманием и к вновь рожденной культуре, искусству и литературе нашей Казахской Республики»*.

А 26 апреля 1949 года Мухтару Ауэзову в Алма-Ату пришло письмо от редакции «Литературной газеты»: «Литгазета» просит Вас принять участие в номере, посвященном ее двадцатилетию, и не позднее шестого мая прислать критические замечания о работе, пожелания на будущее».

Мухтар Ауэзов, поздравляя «ЛГ» с юбилеем, подчеркивал:

«Для нас, писателей всех национальных республик, как и для всех русских советских писателей, «Литературная газета» особенно дорога и близка, близка по-родному настолько, что, например, я, казахский писатель, искренне горжусь тем, что есть она — эта газета, как мой личный друг-советник, друг, требовательный и заботливо тревожный, ответственно и напряженно мыслящий, по-дружески откровенно прямо-

линейный в неудачах моих и готовый к настоящему сорадованию в успехах моих.

Гордимся ею и потому, что ни одно другое литературное движение в мире не имеет такого органа, столь популярного в народе и объединяющего столь великое множество литератур и литераторов...(…)

...Находясь на разных, порой далеких друг от друга концах нашей необъятной родины, бесконечно дорого чувствовать и сознавать, что через эти встречи мыслями на страницах «Литературной газеты» мы, писатели всего Советского Союза, находимся в постоянном взаимодействии, в состоянии взаимного обогащения идеями, знаниями, свежими чувствами нового...»

А 18 мая 1953 года «Литературная газета» опубликовала «Открытое письмо в редакцию» Мухтара Ауэзова, где он дает отповедь местным, казахстанским критикам: «...Основное русло моих творческих устремлений за минувшее десятилетие и на ближайшие годы определилось моими романами о столетнем периоде жизни казахского народа. Полвека дореволюционного прошлого из этой истории я связываю с именем поэта-классика Абая...»

Где-то через месяц после публикации данного письма состоялось заседание Секретариата Правления Союза писателей СССР под председательством Константина Симонова. Выступили Н. Тихонов и В. Кожевников, они осудили попытки политической дискриминации Мухтара Ауэзова и поручили «Литературной газете» выступить в защиту автора эпопеи «Путь Абая».

Все это, как и многое другое, связанное с нашим общим литературным прошлым, отражено в этом академическом собрании сочинений, которое готовилось и издавалось в течение пятнадцати лет, на стыке веков и тысячелетий. Я так уверенно пишу об

этом, потому что мне выпала честь стать руководителем этого уникального издательского проекта, осуществленного на казахском и русском языках.

Необходимо особо отметить, что писатель Мухтар Ауэзов не являлся простым очевидцем века, ровесником которого он был. Сполна испил из суровой чаши судьбы, познав в конце 20-х годов несправедливость репрессий, находясь в тюремных застенках Ташкента и Алма-Аты. А затем, отстаивая страницы своих произведений и главного труда своей жизни — эпопеи «Путь Абая», не раз и не два терпеливо писал объяснительные письма на имя И.В. Сталина, А.А. Жданова, М.А. Суслова, доказывая высокохудожественную необходимость своих литературных произведений. И в этом ему всей душой помогали русские писатели Москвы — известные мастера литературного слова. Воистину, надо иметь непоколебимую силу духа, чтобы выстоять во имя высокой цели.

И снова хочется подчеркнуть заметную роль редакции «Литературной газеты», ставшей на защиту казахского писателя, который в те суровые годы вынужден был покинуть родину и поселиться в Москве.

Фонд защиты казахского исторического и культурного наследия принял решение о признании Мухтара Ауэзова «Человеком века», а 3 ноября 2009 года решением Геральдического гуманитарного фонда при президенте Российской Федерации М.О. Ауэзову посмертно присуждено звание «Личность Петербурга». Музеем им. Мухтара Ауэзова были переданы диплом и серебряная медаль с изображением Петра Великого. Необходимо отметить, что в 20-е годы прошлого столетия писатель окончил Ленинградский университет, а в начале 50-х годов, когда вынужден был покинуть Казахстан, преподавал на кафедре литературы народов СССР при Московском университете. О счастливой и

драматической судьбе писателя в 2006 году в издательстве «Молодая гвардия» в серии «ЖЗЛ» вышла книга «Мухтар Ауэзов» Николая Анастасьева.

Лауреат Государственной премии СССР и Ленинской премии, Мухтар Омарханович Ауэзов был в то же время крупным литературоведом, доктором наук, профессором, академиком национальной академии. В 1997 году по инициативе президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева и под эгидой ЮНЕСКО прошли юбилейные торжества, посвященные 100-летию со дня рождения писателя — в Казахстане, России, Франции, Узбекистане, Турции, Киргизии, Белоруссии...

«Печальная степь — родная мать, родной край — Борили» — эти слова любил повторять Мухтар Ауэзов, вспоминая место своего рождения на земле Чингистау, что находится в Восточном Казахстане.

Небезынтересно, что первым опубликованным литературным материалом Мухтара Ауэзова является статья «Особенности характера казахов» (30 марта 1917 г., газета «Алаш»). А затем были долгие годы творчества и познания мира. Ранние рассказы сменялись повестями и драмами, научными статьями и очерками по истории казахской литературы. И все эти годы борьбы за чистоту и глубину художественного слова писатель вынашивал и писал главами, частями, отдельными книгами эпопею. Эта эпопея — «Путь Абая» в четырех томах — выдержала более 160 изданий на пятидесяти языках народов мира.

*«Литературная газета»,
23 апреля 2014 г.,
Москва*

«Я ОЩУЩАЮ ЖИЗНЬ КАК ТРАГЕДИЮ...»

УРОКИ ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА

Чингиз Айтматов в течение десятилетий своей творческой деятельности не раз выступал на страницах «Литературной газеты». Это были и многочисленные интервью писателя, его статьи и размышления о судьбах литератур Кыргызстана, России, Европы и Азии. В 1972 году в ноябре в «Литературной газете» была опубликована его поэма в прозе «Плач перелетной птицы». Актуальность этой литературной «жемчужины» очевидна и в наши годы двадцать первого столетия, в этот период нашего бытия на постсоветском пространстве.

Обо всем этом, о дружбе с Александром Твардовским, который творчески «опекал» автора «Джамили» и «Первого учителя», в предлагаемых заметках.

В моей библиотеке три издания собраний сочинений Чингиза Айтматова. Первое собрание — трехтомник 1982—1984 годов, второе — семитомник 1998 года, третье — полное собрание в восьми томах, вышедшее в Казахстане уже после кончины писателя. Два из них с дарственной надписью Чингиза Торекуловича, которого при жизни мне довелось называть Чингиз-ага.

Открывая наугад тот или иной том, погружаешься в магию его повествовательной речи, в образы, человеческие по своей глубинной сути, от мальчика до старика Момуна, от «солдатенка» или Эрмека до учителя Абуталипа, Едигея Буранного, табунщика Танабая, сопереживаешь прекрасным женским характерам — Алтынай, Джамия, Бегимай... А чего стоят образы животных, в силу великого таланта писателя — истинного художника слова, одухотворенных и очеловеченных, зачастую превосходящих нас, смертных и грешных, своим природным благородством.

Пегий пес, бегущий краем моря, старик-рыбак, которому судьба сродни морю и небу, рыба-женщина, влекущая нетерпением плоти, конь Гульсары и верблюд Каранар, волчица Акбара и Рогатая мать-олениха. Раймалы-певец и брат его Абдильхан, конь Саралу и юная певица Бегимай, к которой обращены слова: «С черных гор, когда пойдет кочевье, я на ярмарке не буду, Бегимай».

Даже некоторые фразы, взятые отдельно из ткани повествования, становятся афоризмами, крылатыми словами. К примеру: «Любовь и поэзия погибают от соприкосновения с властью». А трагедия манкуртизма, до боли в висках характерная и актуальная в наши транзитные годы: «Мен ботасы олген боз мая, тулыбын келіп искеген. — Я сирая верблюдица, пришедшая вдохнуть запах шкуры верблужонка, набитого соломой». После таких фраз невольно оглядываешься на луну, чувствуя, что там действительно кто-то есть, а на самом деле видишь белый платок Найман-Ана, который отражает свет нашей памяти и печаль нашего беспамятства.

Во всем этом есть заклинательные, эзотерические основы нашего многовекового бытия.

«Я ощущаю жизнь как трагедию. С жизнеутверждающим финалом», — однажды сказал Чингиз Айтматов.

«Если ты и вправду слышишь, о боже, мою молитву, которую я повторяю вслед за праотцами из заученных книг, то услышишь и меня», — произносил Едигей Буранный при погребении своего друга Казангапа.

Как здесь не вспомнить вещие слова из романа Чингиза Айтматова?! «Вспомни, чей ты? Чей ты? Как твоё имя? Имя? Твой отец Доненбай! Доненбай, Доненбай...»

Когда я учился в Москве, на Высших литературных курсах, которые в своё время окончил Чингиз Айтматов, заведующая учебной частью Нина Аверьяновна Малюкова однажды показала нам стенограмму семинара, на котором обсуждали повесть «Джамиля». Среди потока несправедливой критики курсантов-семинаристов, бесстрастно запечатленной рукой стенографиста, меня и моих сокурсников поразила ремарка, приписанная сбоку, в углу: «Айтматов плачет». Не знаю, сохранилась ли эта стенограмма, наверняка в архиве Литинститута она имеется. Но я не об этом, а о том, что даже на уровне учебного семинара, где можно было смело обсуждать вещи, так сказать, не для печати, «Джамиля» Чингиза Айтматова вызвала бурное обсуждение и неприятие среди собратьев-семинаристов. И это в стенах Литинститута!.. А вне этих стен нашей альма-матер?

Вот что писал сам Чингиз-ага: «После выхода повести «Джамиля» один из наших известных писателей принялся ее критиковать. На партийном собрании перед общественностью страны он горячо говорил о том, что форма и содержание литературного произведения должны соответствовать политике коммунистической партии, что нужно неукоснительно следовать принципам социалистического реализма. В конце концов, утверждал он, каждый случай развода супругов — проблема огромной важности, которая должна обсуждаться коммунистической партией. Именно

партия является оплотом, охраняющим единство семьи, а сюжет моей повести идет вразрез с этим постулатом.

Когда я работал над повестью, то совсем не думал о подобных последствиях. «Джамиля» с момента своего появления вызвала большой интерес и у нас в стране, и за рубежом. Везде книга бурно обсуждалась. Мой неожиданный успех стал значительным шоком, как это часто бывает, для друзей-коллег: многие предпочли хранить молчание по поводу повести. Только отдельные наши «классики», как говорится, «и в хвост, и в гриву» чихвостили книгу...

Такую, мягко говоря, «критику» я вынужден был выслушивать лично.

Что я мог сказать или сделать в такой ситуации?! Недаром говорят: «Молчание — золото!» Что бы ни говорили злопыхатели, повесть «Джамиля» уже с момента опубликования на русском языке получила международное признание. Вначале она вышла в журнале «Новый мир», главным редактором которого в то время был Александр Твардовский. Моя многолетняя дружба с одним из великих писателей русской литературы началась именно с повести «Джамиля». Александр Трифонович в тот период был безусловным авторитетом, пользовавшимся всеобщим уважением. Не ошибусь, если скажу, что многие произведения и их авторы своей известностью обязаны именно ему, личности, которая является совестью страны.

Парадокс того времени заключался в том, что любые политические перемены следовало принимать молча, без проявления своего отношения. Любое произведение, особенно талантливое, нужно было проталкивать сквозь искусственные препоны. Но если у писателя был покровитель в верхах, то его книги выходили одна за другой без всяких проволочек. Поэтому я благодарю судьбу за то, что она свела меня с Твардовским.

Еще до «Джамили» я выслушивал критику партийных руководителей. Тот факт, что повесть «Лицом к лицу» была благосклонно принята нашей писательской общественностью, объяснялся тем, что она вначале увидела свет на русском языке в журнале «Октябрь», в Москве, главным редактором которого был Ф. Панферов.

Правда, и тогда нашлись «критики» в местной прессе, обвинявшие меня в том, что я слишком беззубо изобразил дезертира Исмаила. По их мнению, он выглядел трагедийной фигурой.

Но, несмотря ни на что, судьба повести «Лицом к лицу» оказалась счастливой благодаря тому, что увидела свет в Москве.

«Джамиля» же на пути к читателю встретила со многими сложностями. Но она же и познакомила меня с главным редактором журнала «Новый мир». Ту нашу первую встречу, беседу по душам я никогда не забуду. Именно тогда Александр Трифонович предложил мне поменять название повести «Мелодия» на имя главной героини. Наверное, при встрече он объяснил мне, чем предпочтительнее новое название, но я уже этого не помню. А тогда с радостью ухватился за это предложение мэтра.

В ту же первую встречу А. Твардовский очень подробно и доходчиво объяснил мне, как писать, чтобы обойти застойно-тоталитарные требования литературных чиновников от компартии. Он посоветовал мне писать сразу на двух языках — русском и киргизском. Но печатать вначале в Москве на русском, чтобы обезопасить себя от местных партократов.

В справедливости слов А. Твардовского я убедился в работе над повестью «Прощай, Гульсары!». Я буквально кожей чувствовал правоту известного писателя. И если бы не воспользовался мудрой стратегией, подсказанной мне старшим другом, то повесть «Прощай, Гульсары!» умерла бы, не появившись на свет...».

Я специально так широко цитирую Мастера, историю создания и появления в печати повести «Джамиля» и дальнейшей ее судьбы. На мой взгляд, во всем этом прослеживается та самая творческая взаимосвязь и, если хотите, искренняя, сердечная поддержка интеллектуальной России и Москвы, как это всегда и было по отношению к Мухтару Ауэзову, Расулу Гамзатову, Василию Быкову, Ивану Драчу, Мумину Каноату, Иону Друцэ, Олжасу Сулейменову, Нодару Думбадзе, Эдуардасу Межелайтису, Тимуру Зульфикарову, а также ко многим блистательным национальным именам громадной империи Страны Советов.

Писатель в силу своего таланта всегда находится в оппозиции, в первую очередь по отношению к себе, а затем уже к окружающей его действительности. Это, на мой взгляд, аксиома. Именно с первых литературных произведений («Джамиля», «Лицом к лицу» и др.) Чингиз Айтматов, может быть, еще неосознанно и ненамеренно следовал этому постулату. Именно в этих ранних произведениях Чингиза Айтматова зарождался своеобразный «узел кущения», из которого вызревали зерна писательского таланта и будущая ничем не подкупная позиция личности. Да и время во второй половине 50-х было уже иное — время оттепели.

Мало кто знает, что часть своего раннего детства Чингиз Айтматов провел в Москве, именно в те давние годы. Он навсегда запомнил прощание на Казанском вокзале с отцом, Торекулом Айтматовым, который учился в Институте красной профессуры и был вскоре расстрелян, и этот судьбоносный эпизод словно врезался в цепкую детскую память. Да так, что тоска по отцовской любви спустя годы вошла в суть детских характеров, с истинным гуманизмом выписанных в образах мальчика из «Солдатенка», «Свидания с сыном», «Белого парохода» и Эрмека из «Буранного полустанка». А также негасимая нежность женщины-матери,

которая во все века всегда принимала на свои хрупкие плечи всю тяжесть по сохранению семейного очага — Толганай, Найман-Ана, Рогатая мать-олениха, Зарипа, Укубала...

А затем, на протяжении полувека, тянулись звездные часы писателя, каждое новое произведение которого с восторгом воспринималось миллионами читателей и у нас, в огромной Советской стране, и за рубежом. Его произведения были переведены на 165 языков мира и изданы в 130 странах общим тиражом более 67 миллионов экземпляров. По данным ЮНЕСКО, на 1998 год они издавались 830 раз. Многие из писателей, известные и менее известные, меняли фарватер своего творчества в угоду власти. Но только не Чингиз Айтматов. Наоборот, с каждым произведением та самая «оппозиция творчества», о которой я говорил выше, принимала в себя новые темы и новые формы романа — «Буранный полустанок» и «Плаха».

Обласкан был, да! Депутатство, секретарство, Герой Труда, самые престижные премии страны... Но когда писатель садится за письменный стол перед чистым листом нового произведения, позвольте ему самому решать — каким быть. Сейчас и навсегда! А все остальное — это где-то правила быта и большой игры. Кстати, эти правила игры всегда были в ходу — и в прошлые века, и в наше время, в транзитный период нашего бытия. Суть в другом — в самом стержне творчества и таланта. А все остальное, как говорится, суeta суeta. И Чингиз Айтматов в силу объективных и субъективных причин принимал эти правила, но всегда, как в книгах, так и в своих трибунных выступлениях, был предельно честен и откровенен, слушатель или читатель всегда находил в этих выступлениях зерно мысли, не говоря уже о самом творчестве, которым он духовно обогатил наше общее евразийское пространство. Я признателен и благодарен судьбе, что знал его не только как писателя, но и лично, имел возможность

постигать его произведения, душой и сердцем, еще в далекой юности, восхищаться ими. Я думаю, что в новом веке нас ждет ренессанс именно такой высокохудожественной литературы.

Разумеется, «правила игры» отражались и в ряде произведений писателя — фрагментарно и эпизодично; но в контрасте с этим так выпукло и образно значимо проступали главные герои и персонажи, взятые из глубины жизни, реальности и бытия. Это во-первых, а во-вторых, именно литература социалистического реализма освоила новые, неизвестные и неизведанные ранее темы и сюжеты, какие оказались по силам только большим талантам, большим Мастерам, таким, каким остается в своих произведениях Чингиз Айтматов.

Кстати сказать, именно в тот период, который упрекают в «двойных стандартах», наиболее демократичная среда была почти во всех союзах кинематографистов и на братских киностудиях. И многие из литераторов обретали в такой среде «киношников» своеобразную созидательную атмосферу. Многие писатели и поэты находили свой круг единомышленников в сценарных коллегиях, в павильонах и в экспедициях, вынося из этого круга общения новые идеи и сюжеты, не замутненные идеологией того периода. Именно в тот период 60-х и 70-х годов прошлого века Чингизом Айтматовым были написаны многие литературные произведения, именно тогда, когда он руководил Союзом кинематографистов Кыргызстана.

Мне сейчас трудно судить о времени, в котором живем, существуем, прозябаем, надеемся... Нынешние времена — времена даже не двойных стандартов. Сегодня, когда творчество во многом зависит от прибыли и рентабельности, исчезает гуманистичная направленность нашего бытия. В силу этого почти нет и литературных произведений, по широте охвата образов и характеров тождественных книгам Чингиза Айтматова.

— *О Иссык-Куль, ты око земли, ты всегда смотришь в небо. Обращаюсь к тебе — вечный, незамерзающий Иссык-Куль, чтобы стала известна мольба моя богу неба — вершителю судеб — Тенгри, когда он глянет сверху в твои глубины...* — так Чингиз Айтматов в «Плаче перелетной птицы», опубликованном в 1972 году в «Литературной газете», впервые в своем творчестве обратился к образу Тенгри. Култ Тенгри, как это ни парадоксально, далеко не языческое понятие. Култ Тенгри — это прежде всего первооснова ряда религий, это, собственно говоря, и есть религия. Тенгри — это синее небо, невидимое верховное божество, которому поклонялись тюркско-монгольские и тибетские кочевые народы.

Чингиз Айтматов в «Плаче перелетной птицы», в этой поэме в прозе, через образы матери Кертолго-зайип и ее последыша Элемана во всей полноте раскрывает глубинную взаимосвязь ритуала тенгрианства с ландшафтом окружающего мира — побережьем Озера, обитателями Прииссыккуля, людьми, животными и высокопарящими птицами, которые, отжимовав у незамерзающего Озера, вновь готовятся к отлету.

А мать все молилась истово и яро:

— *Я мать троих сыновей, Тенгри, услышь мои мольбы, услышь. И просят тебя вместе с нами безъязыкие твари, что с человеком всегда заодно, — гончий пес наш Учар, настигающий зверя любого, что по правую руку сына стоит, и рыжая кобылица гривастая, что ни разу еще не прохолостила, что по левую руку стоит...*

И хотя мать молилась негромко, вполголоса, чудилось Элеману, будто слова ее разбежались, рассыпались и вдаль, и вишь по всему Озеру кликом жарким, завораживающим, и чудилось, будто слова ее отзывались тревожным и чутким эхом в горах окружающих: «Услышь меня, Тенгри, услышь, услышь...»

И Элеман, спустя годы, вспоминая этот час мольбы матери на Озере, будет плакать и отрадно, и горько, будет благодарить судьбу за то, что мать вымолила ему у самого Тенгри дар великого сказителя «Манаса», за что имя ему дадут в народе — громоподобный манасчи Элеман. «Не знал он, что молодые годы его совпадут с лихими годами насилия ойратов, что людям придется слушать «Манас», скрытно собираясь в глухих ущельях, не знал он, что каждый раз, начиная с зачина «Манаса», мысленно будет возвращаться к мольбе матери на Озере, давно уже убитой ойратами за сокрытие сына-сказителя, и потому в сокровенном смысле зачина будет ему и утешение, и обретение духа величия, и ощущение красоты и глубины Слова предков, в котором воспета суть бессмертия народа. Не знал он, что именно ему будет написано на роду напоминать затаившим от страха дыхание людям «Манас»:

«О кыргызы, о самом великом среди нас, о Манасе слушайте сказ.

От тех дней и до этих дни утекли, как песок, несчетные ночи, ушли чредой безвозвратной, годы ушли и века караваном в бесследные дали...

Что было вчера — того нет сегодня. В этом мире все приходит и все уходит. В этом мире только звезды извечны, что правят свой путь при извечной луне, только вечное солнце извечно с востока встает, только земля черногрудая на извечном месте своем. А на земле только память людская живет дольше всех, а самому ж человеку путь отмерен короткий — как расстояние между бровями. Только мысль бессмертна, от человека к человеку идущая, только слово извечно, от потомков к потомкам идущее...

От тех дней и до этих слово рождало слово, мысль рождала мысль, песня сплеталась с песней, быть стала древним

преданием. Так дошло до нас сказание о Манасе и сыне его Семетее, ставших твердыней кыргызских родов, ставших защитой от многих врагов...»

И как в великом и бессмертном фольклоре разных стран и народов, птица плачем своим приносит печальную весть. И здесь сила и могущество Тенгри невидимыми воздушными волнами обволакивает приозерный ландшафт, рождая в Озере мифические буруны и волны, рев водопадов в глубоких ущельях, вой волка на всплывающую луну. И над всем этим вселенский плач — плач перелетной птицы. О резне и людском побоище на этой священной земле. И птицы крылами уносили свой плач все дальше и дальше, все выше и выше.

Мы летим, возносясь все выше и выше... Так высоко, что горы становятся плоскими, а потом и совсем незаметными, и земля, удаляясь все дальше и дальше, очертанья теряет: где там Азия, где там Европа, где океаны, где твердь? Так пустынно вокруг — во Вселенной безбрежной только шар наш земной, как верблюжонок заблудивший в степи, тихо качается, тихо плывет, ищет мать свою. Но где она, мать-верблюдица? Где мать всей земли, где мать всей земли? Ни звука! Только ветер гудит, ветер пустынных высот, и тихо плывет и качается земля с кулачок, земля с кулачок. Тихо плывет и качается, точно сиротское, точно дитячье темечко — зыбка земля, зыбка земля. Так неужели на ней столько Добра вмещается, столько Злых дел прощается, столько Добра вмещается, столько Злых дел прощается? Нет, не надо прощать, нет, не надо прощать, молю вас, дымы творящие, думы творящие, долю творящие!

«Плач перелетной птицы» — это, я бы сказал, не только высокоталантливое приложение к эпосу-энциклопедии «Манас», это отдельная глава в древней и всегда молодой истории кыр-

гызского народа. Как и все литературное наследие великого сына человечества — Чингиза Торекуловича Айтматова. Хочется быть достойными этого наследия — в своих чаяниях и помыслах, в своем поведении и в своих действиях, перешагнув порог нового столетия и нового тысячелетия.

Быть может, в «Плаче перелетной птицы» и отчасти в «Прощай, Гульсары!», где многие страницы пропитаны и «дышат» духом Тенгри, начинается писательский поиск «богоустройства» мира, поиск «божественного» в личности человека.

Затем были (не считая печальной сказки «Белый пароход», хотя и там проступает тенгрианское начало в образе Рогатой матери-оленихи) «Пегий пес, бегущий краем моря», романы планетарного звучания «Буранный полустанок» и «Плаха». И даже относительная неудача писателя — роман «Тавро Кассандры», пусть это творческая неудача, но неудача гениального творца. Мастера.

Чингиз Айтматов не раз возвращался к образу Абуталипа Куттыбаева, даже когда прошло свыше двадцати лет после издания романа «Буранный полустанок». И в своей вставной повести «Белое облако Чингисхана», и в «Препоручение Богу...».

И это после того, что уже годами устоялось в читательских умах, буквально обжигая души образами романа. Словно искал дальнейшего соответствия прошлого и настоящего, реального и божественного, соизмеря однажды уже воплощенный замысел романа с теми переменами не только общества, но и каждой личности в отдельности, когда мы действительно «препоручаем» Богу свои помыслы, страдания и надежды.

Многие и многие из писателей, поэтов, литературоведов-критиков, журналистов и просто читателей не раз встречались и имели счастье беседы с Чингизом Айтматовым. О нем много писали, известны научно-исследовательские работы по его много-

гранному творчеству, литературоведческие статьи по рассказам, повестям и романам, вышедшим в разных странах и на разных континентах. Его диалоги и интервью полны созидательных мыслей и суждений, они актуальны были и при жизни писателя, они актуальны и сейчас, в наше противоречивое, поистине судьбоносное время, в Бишкеке, Оше, Джалал-Абаде, на Иссык-Куле и далее по миру — до Японии, где живет главный герой моей повести «Тамга Тас» Мияно Ясуси. Я говорю не о себе — просто моей повести не было бы без уроков Айтматова.

О таких людях, каким являлся Мастер, говорят, что достаточно прикоснуться к нему, чтобы почувствовать его святость. Диалоги с Расулом Гамзатовым, с Куртом Воннегутом, Хейнцем Плавкусом, Николаем Анастасьевым, Федерико Майором, Дайсаку Икэда...

Беседы с Г. Гачевым, Г. Атряном, О. Сулейменовым, М. Шахановым, Г. Шалахметовым...

Статьи и отдельные издания книг о Мастере Е. Озмителя, Н. Потапова, К. Асаналиева, Р. Рахманалиева, выдающегося философа Георгия Гачева, который, подписывая мне свою книгу «Чингиз Айтматов и мировая культура», зачеркнул союз «и», вместо него написав «в свете», ибо у него в рукописи значилось «Чингиз Айтматов в свете мировой культуры». Казалось бы, что одни и те же слова, но, к сожалению, нет того самого света, без которого немыслимы ни авторская позиция, ни литературные персонажи Ч. Айтматова, да к тому же союз «и» здесь выступает не в роли объединительного начала, а сугубо в противостоятельном аспекте, что в определенной степени несет в себе и уничижительный оттенок по отношению к герою книги — поистине одним из столпов мировой культуры XX века.

У меня было всего несколько встреч с Мастером в реальной жизни — в Бишкеке, Алма-Ате, Москве, Париже. И постоян-

ные встречи с ним и с его литературными героями при чтении его произведений глазами и по памяти, ибо всегда есть «кастальский ключ» понимания, как писал Рей Брэдбери: «Когда спросят нас, что мы делаем, мы ответим: мы вспоминаем. Да, мы память человечества, поэтому мы в конце концов непременно победим!»

Последняя моя встреча с Мастером относится к ноябрю 2007 года. Мы повстречались на юбилее поэта и драматурга Нурлана Оразалина. Буквально неделю назад «Литературная газета» опубликовала цикл моих стихов «Тамга Иссык-Куля». Мастер сказал, что читал этот номер «Литературки», находясь в салоне самолета. Больше других стихов ему пришлось по душе мои «Манасчи».

— Чон болосын, баскалар кичи! — одобрительно произнес он строку из этого стихотворения, что в переводе с киргизского означает: «Будь великим, остальные малы...» — Чон, чон...

А через полгода его не стало. SMS-сообщение из Москвы, словно бы горестный вздох небес, пробудило среди глубокой июньской ночи — умер Айтматов.

Я разбудил Мурата Ауэзова, который приехал по делам из Алма-Аты и отдыхал в соседней комнате моей астанинской квартиры.

Мы до утра просидели на кухне, встречая предутренние сумерки, а затем и раннее утро.

Первое осиротелое утро без Мастера.

Вспоминали образы и персонажи его литературных произведений.

От пегого пса, бегущего краем моря, до иноходца Гульсары.

От девочки Алтынай до Найман-Ана.

От ранних журавлей до плача перелетной птицы.

От волчицы Акбары до Рогатой матери-оленихи и верблюда Каранара.

От учителя Дюйшена до Абуталипа.

От мальчика Эрмека до старика Момуна, табунщика Танабая, дорожного обходчика Едигея Буранного.

От белого парохода своего детства до манкурта Жоломана...

Вспоминали себя.

«Литературная газета»,

16 июля 2014 г.,

Москва

БАХЫТЖАН КАНАПЬЯНОВ

(биографическая справка)

Бахытжан Мусаханович Канапьянов, поэт, писатель, кинодраматург, родился 4 октября 1951 года в г. Кокшетау в семье учителей. В школу пошел в ауле Сырымбет, где находилось родовое поместье Чокана Валиханова, который был в родстве с предками поэта.

По первому образованию инженер-металлург, затем окончил Высшие курсы режиссеров и сценаристов в Москве, мастерская Эмиля Лотяну, Высшие литературные курсы при Союзе писателей СССР, семинар Александра Межирова. Работал инженером-исследователем в Институте металлургии АН КазССР, сценаристом, режиссером, редактором на киностудиях «Казахфильм» и «Мосфильм», в издательствах Казахстана.

В 1971 году состоялось знакомство с Олжасом Сулейменовым, что и определило дальнейшую судьбу молодого поэта.

Первые стихи были опубликованы в 1975 году в журнале «Простор», затем стихи и поэмы публиковались в периодической печати многих стран мира. Автор свыше тридцати книг поэзии и прозы, вышедших в издательствах Казахстана, России, Украины, США, Великобритании и Малайзии.

Автор идеи проведения Всемирного Дня поэзии, которую впервые озвучил в 1996 году в Алматы на поэтическом вечере Андрея Вознесенского и Беллы Ахмадулиной.

Лауреат ряда международных литературных премий, среди которых «Алаш», «Тарлан», Всемирного поэтического конкурса (Нью-Йорк, США). Его поэтические произведения переведены на многие языки мира, вошли в литературные антологии стран ближнего и дальнего зарубежья.

Участник ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС (1986–1988).

Заслуженный деятель Республики Казахстан (2011), Заслуженный работник Республики Казахстан (1998), победитель народного голосования «Ел Тулгасы» – «Имя Родины» в номинации «Культура и искусство» (2012).

Лауреат Всероссийской премии им. Антона Дельвига (2014).

Член Казахского и Русского ПЕН-клубов.

Награжден орденом «Парасат», медалями Казахстана, России, Украины.

Почетный профессор СГУ им. Шакарима (г. Семипалатинск).

Академик Крымской литературной академии (г. Симферополь, Республика Крым).

Кавалер ордена «За вклад в культуру» Международного комитета мира и согласия (Москва).

Член правления Европейского Конгресса литераторов (г. Прага), где представляет регион Центральной Азии и Казахстана.

Почетный гражданин г. Кокшетау.

BAKHYTZHAN KANAPYANOV **(biographical background)**

Bakhytzhan Kanapyanov, a poet, a writer, a scriptwriter, was born on October 4, 1951 in Kokshetau in a family of teachers. He started studying at school in Syrymbet aul, where was the ancestral home of Chokan Valikhanov, that was related to poet's remnants.

According to the first education is a metallurgical engineer, later graduated from Higher Courses for Scriptwriters and Directors in Moscow, workshop of Emil Lotyanu, Higher Literary Courses under the Union of Writers of the USSR, seminar of Aleksandr Mezhirov. He worked as a research engineer in an Institute of Metallurgy of a Science Academy of KazSSR, scriptwriter, director, editor at "Kazakhfilm" and "Mosfilm" motion-picture studios, in publishing houses of Kazakhstan.

In 1971 made acquaintance with Olzhas Suleimenov, that determined further destiny of a young poet.

First poems were published in 1975 in "Prostor" magazine, thereafter poems were published in periodical press of many countries of the world. Is an author of more than thirty books of poetry and prose printed in Kazakhstan, Russia, Ukraine, USA, Great Britain, and Malaysia.

He brought an idea to hold a worldwide Day of poetry, and for the first time announced it in 1996 in Almaty at poetry readings of Andrei Voznesenskii and Bella Akhmadulina.

Honoree of a number of literature prizes, including "Alash", "Tarlan", worldwide poetry contest (New York, USA). His poetry

works are translated into many languages, and are included in literary anthologies of near-abroad and far-abroad countries.

Is a participant of liquidation of a disaster of Chernobyl Atomic Power Station (1986-1988).

Honored representative of the Republic of Kazakhstan (2011), Honored worker of the Republic of Kazakhstan (1998), the winner of a popular vote “El Tulgasy” – “Name of a Motherland” in nomination “Culture and Art” (2012).

Nominee of a Russian national prize of Anton Delvig (2014).

Is a member of Kazakh and Russian PEN-clubs.

He was awarded with “Parasat” order, medals of Kazakhstan, Russia, and Ukraine.

Is an honored professor of Shakarim State University (Semei city).

A member of Crimea Literature Academy (Simferopol city).

Member of the Order “For contribution in culture” of an International Committee for Peace and Consent (Moscow).

Member of the board of European Congress of Writers (Prague), in which he represents the region of Central Asia and Kazakhstan.

Honored citizen of Kokshetau town.

SUMMARY

Artistic pictures of Central Asia classics Mukhtar Auezov and Chingiz Aitmatov are presented in the booklet. These two articles of poet and writer Bakhytzhan Kanapyanov were published in 2014 April and July in a “Literature Newspaper” (Moscow).

Spiritual lake Issyk Kul artistically united views on landscape of past and present of Mukhtar Auezov and Chingiz Aitmatov. By folklore, by ideal of goodness, and by Tengriism reasons for our existence.

With intrinsic skill of recreation of a character, when through the fact of a real biography unfolds an image of a writer, Bakhytzhan Kanapyanov managed to incorporate it on pages of a booklet «Issyk Kul – the eye of heaven of the Earth».

The issue of a booklet is confined to an 80th International Congress for PEN-club that takes place in Bishkek (Kyrgyzstan) on September 29 to October 2, 2014.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Бигельды Габдуллин. Классики мирового порядка</i>	<i>3</i>
Гений с берегов Иссык-Куля (Пятьдесят томов Мухтара Ауэзова)	7
«Я ощущаю жизнь как трагедию...» (Уроки Чингиза Айтматова)	19
Бахытжан Канапьянов (биографическая справка)	34
Summary	38

Бахытжан Мусаханович Канапьянов

**ИССЫК-КУЛЬ –
НЕБЕСНОЕ ОКО ЗЕМЛИ**

e-mail: bkanapyanov@yandex.ru

Дизайн и верстка И. Селивановой

Подписано в печать 28.08.2014.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Формат 60 × 84¹/₁₆.

Печ. л. 2,5. Тираж 500 экз.

Издательский дом «Жибек жолы»

050000, г. Алматы, ул. Казыбек би, 50

Тел. 8 (727) 272-65-11, 261-11-06.